

няк! — подумал Аркадий Иванович и затрясся всем телом. — Вася, Вася! откликнись же мне!”, — закричал он, схватив его за плечо. Но Вася молчал и по-прежнему продолжал строчить сухим пером по бумаге.

— Наконец я ускорил перо, — проговорил он, не подымая головы на Аркадия» (2, 43).

Так воплотил Вася Шумков совет друга «ускорить перо». Мотив безупречно слит с сюжетом повести, с «действием», тщательно подготовлен и мотивирован. Движения героя не задумчиво-механические, а лихорадочные: страшная спешка, надрыв. Достоевский создает сцену высокого трагического звучания. Она одновременно и кульминация повести, которую завершает призрачно-фантастическая картина Петербурга, полумистическое, пророческое видение, объяснившее Аркадию Ивановичу, «отчего сошел с ума <...> не вынесший своего счаствия Вася» (2, 48).

Т. И. ОРНАТСКАЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК
Ф. М. И М. М. ДОСТОЕВСКИХ (1860—1865 гг.)

Несмотря на то что о существовании в Петербурге «чисто литературного»¹ кружка при редакции журналов «Время» и «Эпоха» известно еще от Н. Н. Страхова,² нет ни одной специальной работы, посвященной этому кружку. Между тем он имел свою предысторию, свою судьбу и свои результаты. Правда, по той причине, что кружок был редакционным, а журналы братьев Достоевских на сегодняшний день изучены едва ли не досконально,³ то многие вопросы, связанные с кружком самым непосредственным образом, оказались разрешенными. Это касается определения политической, идейной и идеологической платформ журналов «Время» и «Эпоха», характеристик основных сотрудников в их взаимоотношениях с Достоевским; всего, что касается материала, наполнявшего страницы журналов и так или иначе испытавших на себе влияние писателя.

Цель настоящей работы — сам кружок, его состав, характер собраний кружковцев и атмосфера этих собраний в контексте 60-х гг., а также те стороны взаимоотношений Достоевского с отдельными кружковцами, которые не нашли отражения в работах названных исследователей.

¹ Определение одного из членов кружка. См.: Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Библиография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883. С. 171. В дальнейшем: Страхов Н. Н. Воспоминания.

² Там же. С. 171—212.

³ Им были посвящены работы Г. М. Фридлендера, В. Я. Кирпотина, В. А. Туниманова, В. С. Нечаевой; итоги изучения легли в основу комментария журнальных материалов, принадлежавших самому Ф. М. Достоевскому (т. 18—20 ПСС Ф. М. Достоевского).

Первая половина 60-х гг. — один из важнейших этапов жизненного и творческого пути Ф. М. Достоевского. Именно с обоснования в Петербурге начинается возвращение писателя в литературу,⁴ причем это возвращение было ознаменовано созданием произведения, сыгравшего в литературной судьбе его автора роль не менее важную, чем в свое время «Бедные люди». Речь идет конечно же о «Записках из Мертвого дома», «самом значительном произведении николаевской эпохи».⁵ В эти же годы Достоевский проявляет себя в самых разных жанрах — и не только в художественных. Он обращается к критике и публицистике. И этот род деятельности в таком обширном виде, как он мыслился писателем, был возможен только при наличии собственного печатного органа. И в Петербурге родился новый журнал — «Время», объявление о подписке на который, написанное Ф. М. Достоевским, появилось в сентябре 1860 г. К этому же времени при формировавшейся редакции журнала начинают собираться его будущие участники, постепенно образуя редакционный кружок. (Подобные кружки существовали издавна почти при всех заметных печатных органах, заменив прежние литературные салоны.)

Ф. М. Достоевского привлекала в собраниях кружковцев возможность высказаться (и обязательно перед людьми близкими по духу), выразить свое мнение во всеуслышание и убедить в этом своем мнении слушающих. «Самое обыкновенное слово, сказанное громко, получает гораздо более весу, — писал он в 1849 г. в «Объяснениях» по делу петрашевцев. — Я всегда был уверен, что сознательное убеждение лучше, крепче бессознательного, неустойчивого, колеблющегося<...> А сознания не высидишь и не выживешь молча» (18, 121). Близкую мысль Достоевский высказывает несколько лет спустя в письме к А. Н. Майкову из Семипалатинска: «Одно слово, сказанное с убеждением, с полною искренностию и без колебаний, глаз на глаз, лицом к лицу, гораздо более значит, нежели десятки листов исписанной бумаги» (28₁, 206).

Достоевский, как и большинство его современников, был истовым кружковцем. Так, в свое время он был посетителем кружка В. Г. Белинского, регулярно появлялся в салоне Майковых, был активным членом кружка М. В. Буташевича-Петрашевского и одним из инициаторов кружка С. Ф. Дурова. И конечно же, он был в курсе того, что делается в других многочисленных кружках — западников и славянофилов, Н. В. Станкевича, А. И. Герцена и Н. П. Огарева. К этому же времени, т. е. к 1847 г., описания кружков как широко бытовавшего явления проникли и на страницы художественных произведений (таких как «Родственники» И. И. Панаева,

⁴ Ср. со словами самого Достоевского: «В 1859 году (...) был уволен в отставку и возвращен в Россию, сначала в г. Тверь, а затем в Петербург. Здесь Достоевский начал вновь заниматься литературой» (Краткие биографические сведения, продиктованные писателем А. Г. Достоевской, — 27, 121).

⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. М., 1959. Т. 18. С. 219.

«Андрей Колосов» И. С. Тургенева и, наконец, «Обыкновенная история» И. А. Гончарова⁶). В этом плане чрезвычайно характерна ироническая характеристика кружков, данная Достоевским на страницах «Петербургской летописи». Кружки, на которые дробится «весь Петербург», есть своего рода подмена подлинных публичных интересов, т. е. общественной деятельности. У каждого такого кружка «свой устав, свое приличие, свой закон, своя логика и свой оракул». В таком кружке «можно самым безмятежным и сладостным образом дотянуть свою полезную жизнь, между зевком и сплетнею...» (18, 12). Здесь же Достоевский отметил существование кружков и еще одного рода. В таких «...с жаром собирается несколько образованных и благонамеренных людей, с ожесточением изгоняются все невинные удовольствия (...) и с непонятным увлечением толкуется об разных важных материалах». Правда, вывод о сущности этих других кружков неутешителен: «Наконец потолковав, поговорив, решив несколько общеполезных вопросов и убедив друг друга во всем, весь кружок впадает в какое-то раздражение (...) Наконец все друг на друга сердятся, говорится несколько резких истин, обнаруживается несколько резких и размашистых личностей и — кончается тем, что всё расползается, успокаивается, набирается крепкого житейского разума и мало-помалу сбивается в кружки первого вышеописанного свойства» (там же). В этой «фельетонной» характеристике несомненна доля личных наблюдений, и скрывается за ней материал для серьезных раздумий. Опять же не случайна ссылка автора фельетона на «свой» «патриархальный кружок», в котором «выделывается» один господин, который ни в чем не знает «ни узды, ни удержану»: «Забывает да и не подозревает такой человек (...) что только при обобщенных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении может отшлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его капитал, его добре сердце!» (18, 12—14). Возможно, что опыт этого «собственного патриархального» кружка отразился в «Униженных и оскорбленах» — ведь в кружке Левенъки и Боренъки тоже «выделывался» «один господин», «действительно гениальная голова», Безмыгин, «поминутно» сыплющий «истинами» и «изречениями» и призывающий всегда «идти напрямки» (3, 309—310). Еще раз в самой серьезной форме (в «Объяснении» по делу петрашевцев) Достоевский повторил мысль о бесплодности прежних кружков: «Сами мы бежим обобщения, дробимся на кружки⁷ или черствуем в уединении» (3, 121).

Думается, что приведенные выше слова о том, что «только при

⁶ Подробнее см. в комментарии Е. И. Кийко к «Петербургской летописи» — 18, 218—219.

⁷ О подобных кружках, существовавших и позднее, в 60-е гг., писал Н. Н. Страхов: «Таких кружков всегда существует очень много в Петербурге, кружков часто любознательных, читающих, вырабатывающих себе свои особенные пристрастия и отвращения» (Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 171).

общенных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям» может заключаться «смысл деятельности неравнодушного человека», и что эти требования — наряду с другими — Достоевский ставил и перед членами собственного кружка. И несомненно, что опыт старого кружковца учился Достоевским при создании кружка «Времени».

Кружок (его именовали еще «редакционными вечерами»⁸) состоял из сотрудников журнала и людей, близких к ним по убеждениям и симпатиям.⁹ Собираясь кружковцы начали уже с осени 1860 г. — незадолго до этого братья Достоевские стали набирать будущих сотрудников. Нужно думать, что особенно активно эта работа велась в кружке «Светоч», постоянными посетителями которого были они оба.¹⁰ Братья отдавали себе отчет, что эти же «кружковцы» будут в основном обеспечивать журнал материалами и что таким образом редакторы сами смогут формировать этот материал, т. е. заказывать его авторам, направлять в нужную сторону авторские усилия, подсказывать им темы и, наконец, если нужно, то поверять, «обкатывать» материал в среде кружковцев.¹¹ Все это, по мнению руководителей кружка, могло способствовать тому, чтобы каждый очередной номер был бы не механическим сборником разнородного материала, а единым органическим целым. Не менее важной стороной деятельности кружка являлось то, что для большинства его членов (особенно молодых) он был своеобразной школой. Многие из молодых кружковцев здесь просто учились писать. (Ведь известно, что статьи, редактировавшиеся Достоевским, зачастую им переписывались.) Другие вырабатывали или пересматривали свое мировоззрение. Даже Н. Н. Страхов, говоря о кружке «Времени»,

⁸ См.: Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 128.

⁹ Ср. со словами Достоевского из письма к А. К. Каллаш от 16 августа 1861 г.: «Ведь я знаю сам, что мне нужно мало, и даже знаю, что именно нужно — хороших людей» (282, 22). Ср. со словами Н. Н. Страхова из письма к брату П. Н. Страхову от 9 октября 1860 г.: «Господа литераторы народ непреклонный и отличаются поразительной добротою. Полонский, Майков, Достоевский, Милюков, Григорьев и пр. — все это такие чистые души, каких я почти не встречал до сих пор...» (Центральная научная библиотека АН УССР, 111, № 7).

¹⁰ Н. Н. Страхов, перечисляя членов «вторников» А. П. Милюкова (фактического руководителя «Светоча»), назвал братьев Достоевских «главными гостями». Кроме них в кружок входили люди, близко знакомые Ф. М. Достоевскому: А. Н. Майков, В. В. Крестовский, Д. Д. Минаев, С. Д. Яновский, А. А. Чумиков и Вл. Д. Яковлев. Страхов отметил также, что в этом «очень невеликом» кружке Ф. М. Достоевский занимал «первое место» — и «не только по своей известности, но и по обилию мыслей и по горячности, с которой их высказывал» (Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 171).

¹¹ Часто эта работа носила характер коллективного труда. Так, Д. В. Аверкиев вспоминал позднее: «...не было журнала, где бы я писал так охотно и так много, как в „Эпохе“. Некоторые из тамошних статей, обозначенных моим именем, были написаны при ближайшем сотрудничестве Достоевского» (Аверкиев Д. В. Дневник писателя за 1885. Вып. 1. С. 3). То же самое мог сказать о себе и П. А. Кусков. Стоит только сравнить со статьями «Времени» его статьи, напечатанные после ухода из журнала, например, появившиеся в журнале «Светоч» в 1862 г. (ср. ниже — с. 255, 258).

признавался: «Это была новая школа, которую мне довелось пройти, школа, во многом расходившаяся с теми мнениями и вкусами, которые у меня сложились <...> кружок <...> был для меня во многих отношениях и школою гуманности».¹²

Постоянными членами кружка стали Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, Я. П. Полонский, Д. В. Аверкиев, Л. А. Мей, А. Н. Майков, В. В. Крестовский, А. Е. Разин, Н. Д. Ахшарумов, П. А. Кусков, А. У. Порецкий, М. А. Загуляев, Д. Д. Минаев, А. П. Милюков, А. Н. Серов, П. А. Бибиков, Н. Л. Тиблен.¹³ Но кружок не был чем-то замкнутым: любой из его членов мог привести с собой друзей или знакомых. В кружке бывали И. С. Тургенев,¹⁴ А. Н. Плещеев, Н. С. Лесков, Г. П. Данилевский, Ч. Ч. Валиханов, брат Н. Н. Страхова врач П. Н. Страхов, К. А. Трутовский. По позднему свидетельству младшей дочери М. М. Достоевского Екатерины Михайловны, обычно собиралось до сорока человек.¹⁵ И естественно, что такой большой кружок не мог быть чем-то монолитным. Тем более, что в нем с самого начала образовалось два лидера: Ф. М. Достоевский и А. А. Григорьев. «Во все существование „Времени“, — писал Н. Н. Страхов, — сотрудники его составляли две группы. Одна держалась вокруг Ап. Григорьева, умевшего удерживать около себя молодых людей привлекательными чертами своего ума и сердца, особенно же искренним участием к их литературным затеям; он умел будить их способности и приводить их в величайшее напряжение. Другую группу составляли Федор Михайлович и я...»¹⁶

¹² Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 171, 173.

¹³ С Тибленом Достоевского связывали дела по Литературному фонду. Кроме того, с ним и его женой Евгенией Карловной Достоевские общались домашн. — См. неопубликованную записку Тиблена к писателю, относящуюся к 1861 г.: «Федор Михайлович. Надеюсь, что вы не изменили вашего намерения относительно сегодняшнего вечера. Если надежды мои основательны, то приезжайте к нам пить чай. Таким образом мы тронемся вместе часов в 11-ть. Жена кланяется вам. Ваш Тиблен» (ГБЛ, ф. 93, II.9.45; см. также 282, по указателю имен).

¹⁴ В 1860—1864 гг. отношения между Достоевским и Тургеневым были особенно дружескими: Тургенев привозит Достоевскому из Москвы деньги от Н. А. Основского, рекомендует в журнал «Время» молодых авторов; в октябре 1861 г. в дружеском письме из Парижа, прося высыпать ему второй экземпляр подписки на «Время» (один шел в Спасское), Тургенев интересуется: «...что поделывают наши знакомые?» Думается, что это «знакомые» из кружка «Времени». Подтверждением служат слова из очередного парижского письма: «Поклонитесь от меня Полонскому и всем добрым приятелям. Передайте мое почтение Вашей жене...». С М. Д. Достоевской Тургенев мог познакомиться только дома у Достоевских. Поклоны жене и всем приятелям будут повторяться и далее (в 1864 г. поклон будет передаваться «Вашим сотрудникам», см.: Тургенев И. С. Письма. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 25, 286, 302, 320, 349, 359; 1963. Т. 5. С. 109, 126, 288, 316).

¹⁵ «В конце 50-х—начале 60-х гг. семья (т. е. семья М. М. Достоевского. — Т. О.) жила в полном достатке <...> держали собственных лошадей, устраивались еженедельные литературные и музыкальные вечера, на которых собиралось до сорока человек гостей» (Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 286).

¹⁶ Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 223.

Кружок приобрел известность: им интересовались и о нем говорили.¹⁷ Собирались кружковцы попеременно у обоих братьев. Ф. М. Достоевский в 1860—1862 гг. жил семейным домом (Мария Дмитриевна лишь по зимам уезжала в Москву по предписанию врачей). Не случайно Ч. Валиханов писал своему другу К. К. Гутковскому, направлявшемуся в Петербург: «... чтобы Вы могли иметь семейный дом, чтобы проводить вечера, я посылаю <...> записку к Федору Достоевскому». Последнему он писал: «Надеюсь, что и ты и Мария Дмитриевна примете его хорошо».¹⁸

У кружка был свой постоянный день — воскресенье. Так, Г. Н. Данилевский писал А. М. Достоевскому 7 января 1862 г.: «Я часто бываю у Ваших братьев, они <...> сильно заняты „Временем“ <...> Через воскресенье вечера у обоих».¹⁹ Этот же день называет и М. И. Владиславлев. В письме из Гейдельберга он просил вольнослушателя петербургского университета, жившего в семье М. М. Достоевского, А. А. Бергмана сообщить «подробнейшие сведения о житье-бытие этого семейства» и заключал письмо вопросом: «А бывают ли обычные воскресные вечера у Достоевских? И кто на них свирепствует?».²⁰ Этот же день, правда, с долей сомнения, называет и Н. Н. Страхов («кажется, они были по воскресеньям»²¹). Неуверенность Страхова может объясняться и тем, что все кружковцы могли посещать (и часто посещали, как увидим ниже) и музыкальные «праздники» у М. М. Достоевского, в семье которого было два юных даровитых музыканта — Федя и Маша. Последняя, по словам Н. М. Достоевского, зимой 1861 г. «участвовала на двух больших концертах и произвела фурор».²² И потому, писал Н. М. Достоевский А. М. Достоевскому, «... чуть ли не каждую неделю составляются у брата трио, квартеты, вообще маленькие музыкальные праздники, кроме обязательных литературных вечеров по субботам, где собираются тоже тузы в своем роде».²³ Здесь, разумеется, допущена путаница в днях недели, но возможно, что день кружков не был таким обязательно постоянным — редакционные вечера могли превращаться в субботние «праздники», субботние же праздники переходить в редакционные литературные вечера: и там и здесь

¹⁷ Так, П. Д. Боборыкин писал о кружке как о чем-то широко известном: «В кружок его (т. е. Ф. М. Достоевского. — Т. О.) журналов я вхож не был...» (Боборыкин П. Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 353, 391).

¹⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1968. Т. 5. С. 73—74.

¹⁹ Достоевский А. М. Воспоминания. М., 1930. С. 289—291.

²⁰ Письмо от 5 (17)—16 (28) ноября 1862 г. (ГБЛ, ф. 93, II.4.29).

²¹ Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 228. Но эта «доля сомнения» объясняется лишь отдаленностью «Воспоминаний» от описываемых событий. В одном из писем к Страхову М. М. Достоевский обещает завести только что вышедшую книжку «Времени» «завтра к брату, где с Вами надеюсь увидеться...». Речь идет о воскресенье 8 января 1861 г. (письмо от 7 января — ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, № 5). На «воскресенье» же (16 апреля 1861 г.) Достоевский приглашает к себе Я. П. Полонского (28₂, 16).

²² В письме Н. М. Достоевского к Л. М. Достоевскому от 18 ноября 1862 г. (Лит. наследство. 1973. Т. 86. С. 387).

²³ Там же.

были те же участники. И все же, нужно полагать, кружковцы собирались преимущественно по воскресеньям, хотя бы потому, что по субботам в 1860 и 1861 гг. Ф. М. Достоевский часто бывал на «субботах» Штакеншнейдеров.²⁴

Кружок с самого начала постарался стать особо среди других петербургских собратий. Отличие это состояло в том, что почти все кружковцы вскоре после своего объединения стали горячо исповедовать новое направление, предложенное А. А. Григорьевым и поддержанное Ф. М. Достоевским. Речь идет о почвенничестве. Правда, к абсолютному единству кружковцы так и не пришли. Н. Н. Страхов свидетельствовал, что с самого начала в кружке «происходили бесконечные споры и делались попытки ежедневно перестраивать или исправлять свое миросозерцание чуть не с самых основ».²⁵ Сам же Достоевский писал об этом в 1864 г. так: «Совершенная правда, что в журнале в первые годы его существования были колебания — не в направлении, а в способе действия. Были тоже ошибки в некоторых убеждениях. Но направление могло только формулироваться с годами. Иметь направление и уметь его ясно и всем понятно формулировать — дело розное. Последнее приобретается опытом, временем, жизнью...» (20, 135). Особый же характер кружка обнаруживался и в сфере деятельности кружковцев, точнее, в сфере проявления их творческих интересов. «Дело художественных писателей, — свидетельствовал Н. Н. Страхов, — полагалось главным образом в том, чтобы наблюдать и рисовать различные типы людей, преимущественно низкие и жалкие, и показывать, как они сложились под влиянием среды, под влиянием окружающих обстоятельств. У литераторов было в привычке заходить при случае в самые грязные и низкие места, вступать в приятельские разговоры с людьми, которыми гнушается купец и чиновник, и сострадательно смотреть на самые дикие явления. Разговор в кружке беспрестанно попадал на тему различных типов такого рода, и множество остроумия и наблюдательности было обнаруживаемо в этих физиологических соображениях».²⁶

Несмотря на это естественное стремление стать «особо», кружок «Времени» в общем был похож на все другие кружки: в нем говорили о политике и новостях, кружковцы читали свои сочинения, обсуждали прочитанное, и вообще шла новая жизнь — с воспоминаниями, спорами, беседами, стихийными встречами,²⁷ музыкой, летом с поездками за город. Одно из ранних собраний описано только что приехавшим в Петербург провинциальным беллетристом

²⁴ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.; Л., 1934. С. 455.

²⁵ Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 205.

²⁶ Там же. С. 172.

²⁷ «Голубчик Федор Михайлович. Приезжайте к Аполлону Григорьеву сегодня: Филиппов (речь идет о Т. И. Филиппове. — Т. О.) с Островским будут; Якушкин тоже; захватите заодно и Михаилу Михайловича, коли успеете. Приезжайте же. До свиданья», — писал В. В. Крестовский Достоевскому в 1860 либо 1861 г. (ГБЛ, ф. 93, II.5.145).

Н. Ф. Бунаковым: «В Петербурге я познакомился с литературными кружками тех журналов, в которых мне приходилось печататься. Очень приветливо и сердечно приняли меня Достоевские (...) Федор Михайлович был главной силой и душой журнала (...) ²⁸ Федор Михайлович пригласил меня на вечер, где я познакомился со всем кружком (...) кроме А. Григорьева, которого тогда не было в Петербурге (...) Помню шумный спор о том, возможно ли и готово ли в России революционное движение: тема, бывшая тогда в большом ходу (...) Большинство лиц в кружке (...) отрицало серьезность революционных заявлений и возможность русского народного революционного движения.

Горячее других оспаривал мнение большинства невзрачный молодой человек — поэт Платон Кусков (...) Кусков горячился.²⁹ Грузный Разин возражал отрывочно и с менторской важностью. Благодушный Н. Н. Страхов держался неопределенной середины. Нервный Федор Михайлович Достоевский, бегая по комнате мелкими шагами, некоторое время не вмешивался в разговор, потом вдруг заговорил, пришептывая — и все призамолкли: это очевидно был пророк кружка,³⁰ перед которым все преклонялись.

А этот пророк говорил о смирении, об очищающей силе страдания, о всечеловечности русского народа, о невозможности с его стороны никаких самовольных движений ради собственного блага, об отвращении его ко всякому насилию, о неестественности какого бы то ни было общения между ним и самозванными радетелями его, набравшимися революционных идей или из книжек, или прямо из жизни Запада...».³¹

Начало существования кружка совпало с усиленной работой Достоевского над «Записками из Мертвого дома». И писатель, естественно, говорил здесь о «Мертвом доме» и читал отрывки из него. «Однажды, — писал позднее А. П. Милюков, — вспоминая свою осторожную жизнь, Достоевский рассказал этот эпизод (речь идет о бессрочном каторжнике, расправившемся сначала с барином за обиду жене, а потом с капитаном, издевавшимся над арестантами —

²⁸ Ср. со словами самого Достоевского из письма А. Е. Врангелю от 31 марта—14 апреля 1865 г.: «Ведь и „Время“ я начал, а не брат, я его направлял и я редактировал» (28₂, 119).

²⁹ Ср. со словами самого Достоевского, свидетельствующими не только о различиях в убеждениях с этим сотрудником, но и служащими подтверждением точности воспоминаний Бунакова. В своем Примечании к статье Н. Н. Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве» Достоевский писал по поводу требования Григорьева «не пускать» в сотрудники некоторых лиц: «Если, положим, К^{усков} и М^{инаев}, с образом мыслей которых журнал вполне несогласен, представляют к напечатанию в редакцию журнала такие статьи, которые на этот раз не противуречат его главной идее (...) то эти статьи, разумеется, можно напечатать» (20, 135).

³⁰ Ср. со словами А. У. Порецкого из более позднего (от 6 июня 1871 г.) письма к Ф. М. Достоевскому: «... по возвращении (в 1860 г. — Т. О.) Вы встретились со мной как с старым знакомым, и затем с 1861 по 1865 год я почти непрерывно вращался в кружке, Вами воодушевляемом» (29₁, 454).

³¹ Записки Н. Ф. Бунакова. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. 1837—1905. СПб., 1909. С. 49—50.

4, 233—234. — *T. O.*) с такой страшной правдой и энергией, какие никогда не забываются. Надобно было слышать при этом выразительный голос рассказчика, видеть его живую мимику».³² Очевидно, после одного из таких чтений молодой и восторженный почитатель Достоевского поэт и публицист Платон Кусков написал искреннее, восторженное, хотя и наивное стихотворение (автограф его сохранился), с посвящением писателю. Вот его текст:

Ф. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Дай руку мне; в твой Мертвый дом,
С его страстьюми, с его цепями,
Я погружаюсь умом
И заливаюсь слезами.
Я сердцем в глубь его проник;
И видя в нем твой добрый лик,
С твоей тоской, с твоим мученьем,
Я сам скорблю своей душой,
И в нем хочу я жить с тобой
С каким-то страшным упоеньем.

Пл. Кусков

Апр. 21.

1861.³³

В 1862 г. Кусков в одной из своих статей в журнале «Светоч» (№ 5) писал о произведении Достоевского: «Во все последнее время <...> самая дальняя и полезная вещь, явившаяся в нашей литературе, это — „Записки из Мертвого дома“ Ф. М. Достоевского. Это сочинение может служить краеугольным камнем для всякого рассуждения: тут душа человеческая с ее страстьми, болезнями, радостями, печальми, желаниями <...> Для мемуара нужно столько же таланта, сколько и для всякого другого изящного произведения, если еще не больше, потому что тут сверх всего нужна искренность <...> Но можно оставить самого себя в покое, как сделал это Ф. М. Достоевский, и рассказывать про других, что видел и слышал <...> У меня до сих пор вертится в голове „Акулькин муж“ <...> Вот жизнь, вот настояще ее значение» (с. 10).

Еще одно описание «редакционного собрания» содержится в мемуарах П. В. Быкова. Описывая свое первое посещение кружка, он останавливается в основном на характеристиках (часто внешних) его участников: «Передо мной предстала целая галерея пишущего люда разных рангов. Были тут: Страхов <...> Ма́йков, „нап флюгер-поэт“, как окрестил его Апухтин; Алексей Егорович Разин, поэт-бородач Мей, тут же нервно набрасывавший стихи, чтобы немедленно пустить их „в обращение“; другой поэт — Федор Берг, высокий человек, напоминавший верстовой столб, с русой, слегка вьющейся шевелюрой, под пиджаком, достаточно потертым, носивший красную кумачовую косоворотку, как символ свободы...

³² Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 212.

³³ ГЛМ. Н — в 1308.

Николай Курочкин <...> врач, сатирик, буржуй в самом неприглядном смысле, еще один поэт, Апухтин, худощавый, золотушный юноша, и, наконец, Всеволод Крестовский, „мастер на все руки“ принятый во всех литературных кругах <...>. И наконец, я увидел его (т. е. Достоевского. — *T. O.*)... он смотрел выше своих сорока лет, шел сгорбившись и слегка вперевалку. Порою казалось, будто он хочет налететь на кого-то и, точно спохватившись, замедляет шаги. Глаза его быстро перебегали от одного лица к другому. Толстая мрачная складка легла у него между бровей, густых, взъерошенных; губы как-то нервно подергивались».³⁴ По-видимому, этот портрет Достоевского относится к лету 1861 г., когда писатель был неимоверно загружен журнальными делами. По мнению жившего в то время в Оренбурге А. Григорьева, нужно было «не загонять, как почтовую лошадь, дарование Ф. Достоевского, а холить, беречь его и удерживать от фельетонной деятельности, которая его окончательно погубит и литературно и физически...».³⁵

Вообще же в кружке в 1860—1861 гг. царил дух энергический, дружеский, часто веселый. Нужно помнить при этом, что самым старым кружковцам было около сорока лет, но не более (М. М. Достоевскому, А. П. Милюкову, Я. П. Полонскому, А. Н. Серову, А. У. Порецкому, Н. Д. Ахшарумову), а молодым — по двадцать, двадцать с небольшим (В. В. Крестовскому, Д. В. Аверкиеву, М. А. Загуляеву, Ф. Н. Бергу, М. И. Владиславлеву); что в кружке бывали молодые дамы и девушки — Э. Ф. Достоевская, М. Д. Достоевская, Ф. Г. Загуляева, Е. К. Тиблен, М. М. Достоевская; что кроме «редакционных» разговоров здесь часто музицировали, проводили праздники, летом ездили на пикники, рисовали (К. А. Трутовский, Я. П. Полонский, Ч. Ч. Валиханов) и даже рукодельничали.³⁶ Благодаря одному недавно обнаруженному документу особенно живо вырисовывается именно эта, живая, веселая струя кружка. Речь идет об альбоме М. М. Достоевской, содержимое которого было частично опубликовано в начале века в одном из забытых журналов.³⁷ Благодаря альбомным записям, внесенным сюда именно в 1861—1862 гг., не только расширяется наше представление о круге лиц, бывавших в доме М. М. Достоевского, но здесь воспроизводится несколько альбомных стихотворений, принадлежа-

³⁴ Быков И. В. Силуэты далекого прошлого. М.; Л., 1930. С. 51—52. В частности, это описание сопровождено словами: «Я занес в мельчайших подробностях описание и впечатление этой первой встречи с знаменитым писателем в мой дневник» (с. 32).

³⁵ Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. Пг., 1917. С. 267.

³⁶ Е. М. Достоевская «рассказывала о вышитом шерстями крестом покрывале на рояль, работе, в которой принимали участие любые желающие из посетителей их (т. е. семьи М. М. Достоевского. — Ред.) „журфиксов“ (особенно часто этим занимался Полонский)» (Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 288).

³⁷ «Журнал редкостей». Пб., 1911. Подробно об этой публикации см.: Орнатская Т. И., Туниманов В. А. Альбом племянницы Ф. М. Достоевского // Ленинградская панорама. Л., 1988. Вып. 2.

ших «кружковцам» (П. Кускову, Я. П. Полонскому, В. В. Крестовскому), каждое из которых в чем-то дорисовывает картину быта кружковцев в эти годы. Особенно любопытно шуточное стихотворение Кускова, озаглавленное:

Поездка в Парголово 12 июля 1861

БАЛЛАДА

Солнце жжет: экипаж
Тяжко тянется наш,
Пыль столбами кругом поднимает;
Пыль бросается в нос,
А в пыли лежит пес,
Да и тот на проезжих не лает.
В небе нет облаков,
А на козлах Кусков,—
К самому он редактору задом;
А в коляске Мих. Мих.
Меж наследниц своих
И с самой Марьей Дмитревной рядом.
И тиха как мечта,
Она сжала уста,
Удушаема пылью как ядом;
И безмолвен как ночь
Он на старшую дочь
Смотрит... вялым, родительским взглядом.
И нежнее заря
Mad'moiselle Marie.
Тоже смотрит, томима дремотой,
И молчит; и сама
Даже Frau мама
Точно дома оставила что-то.
И как самый Мих. Мих.,
Даже кучер притих —
Без любви лошадей погоняет;
Лишь среди облаков
Жгучей пыли Кусков,
Точно бог в небесах, восседает;
Пыль летит ему в нос,
А в пыли лежит пес,
Да и тот на проезжих не лает.

Стихотворение Крестовского тоже сопровождено датой: «19 ноября, 3 часа пополудни 60 г.». Это суббота — день очередного «вечера» у М. М. Достоевского с теми же кружковцами. Типично «альбомное» шутливое стихотворение, но в нем отразилась еще одна сторона жизни кружка: темы разговоров среди молодой его части:

• • • • •
Теперь мне совестно, ей-богу,
И даже вспомнить-то о том,
Как я указывал дорогу
Вам в жизни меж добром и злом,
Как говорил в них о призванье
Российской женщины к добру

И мнил, какое назиданье
В них о «любви» и о «страданье»
Прочту вам нынче поутру.

· · · · ·

Стихотворение Полонского имеет лишь косвенное отношение к кружку: мы можем представить себе вдохновенную игру М. М. Достоевской, ученицы Антона Рубинштейна, и чувства благодарных слушателей. Вообще интерес к музыке был в кружке очень глубок. А. Н. Серов, работавший в 1862 г. над оперой «Юдифь» и проигрывавший А. А. Григорьеву отдельные части своего нового сочинения, писал в одном из писем 1862 г.: «Я не посмею <...> повторить его отзывы о тех частях оперы моей, с которыми его познакомил. Скажу только, что я его пронял с первой же сцены до слез, и он, после, в обществе литераторов (у Достоевских) говорил так: „Герцен врет, что искусство в наше время умерло. Хороша смерть искусству, когда пишутся такие вещи, как драмы Островского и как «Юдифь»“».³⁸

1860—1861 гг., да и начало 1862 г. были наиболее благоприятными для всей журналистики, и для «Времени» в том числе.³⁹ Но уже в 1862 г. начали обнаруживаться трения среди отдельных сотрудников. Так, если в 1861 г. почти в каждом номере журнала появлялись стихи, фельетоны, статьи, рецензии Кускова, вероятно, в большой мере редактировавшиеся Ф. М. Достоевским (не случайно М. Н. Катков принял его фельетон «Некоторые размышления по поводу некоторых вопросов» за сочинение самого Достоевского), то с 1862 г. его сотрудничество резко сокращается, а потом имя Кускова и вовсе перестает появляться в журнале. Причиной явилось то, что А. Григорьев чрезвычайно пренебрежительно отзывался о стихотворных и прозаических произведениях Кускова и прямо настаивал на его удалении из числа сотрудников журнала,⁴⁰ и, вероятно, под его давлением Достоевский вынужден был согласиться с этим требованием.⁴¹

Непросто сложились отношения и кружка, и самого Достоевского с В. В. Крестовским. Поначалу это была и горячая дружба,⁴² несмотря на различия в возрасте, и общность интересов: Достоевскому, работавшему над «Униженными и оскорбленными», были чрезвычайно интересны и полезны тогдашние занятия Крестовского.

³⁸ Рус. старина. 1878. Февр. С. 165.

³⁹ Характерно, что в 1862 г. редакторы «Времени» даже решали вопрос о напечатании «себя какой-то статьи В. Зайцева (см. об этом: Кузнецов Ф. Публицисты 1866 годов. М., 1969. С. 149).

⁴⁰ См.: Григорьев А. А. Воспоминания. М.; Л., 1930. С. 442.

⁴¹ Упоминая в январе 1864 г. о двух членах раннего периода «Времени» — Кускове и Милаеве, Достоевский заметил, что «с образом мыслей их» журнал был «вполне несогласен» (см. выше).

⁴² «Я заболел вчера и засажен доктором безвыходно в своем номере на двое суток. Лежу один-одинешенек. Скука смертная. Коли не в труд будет, то заезжай, голубчик! Твой Вс. Крестовский», — писал поэт Достоевскому в 1861—1862 гг. (ГБЛ, ф. 93, II.5.145). Уже сам тон письма характерен для очень близких отношений.

Как известно, с ноября 1860 г. последний начал свое исследование петербургских трущоб: он посещал притоны и злачные места города вместе с художником М. О. Микешином и обер-полицмейстером, будущим начальником петербургской сыскной полиции И. Д. Путилиным. «Я сам сопровождал его по трущобам, вместе с ним переодеваясь в нищенские костюмы: он вместе со мной присутствовал на облавах в различных притонах; при нем, нарочно при нем, я допрашивал в своем кабинете многих преступников и бродяг, которые попали потом в его роман. Наконец, я самолично давал ему для выписок дела сыскного отделения, которыми он широко пользовался, потому что почти все действующие лица его произведений — живые, существовавшие люди, известные ему так же близко, как и мне, потому что с большинством я имел возможность его познакомить», — вспоминал Путилин.⁴³ Без сомнения, Крестовский рассказывал в кружке об этих экскурсиях. Более того, он познакомил Достоевского и с самим Путилиным: писатель упоминает последнего в подготовительных материалах к роману «Подросток» (16, 184). А один персонаж из рассказов Путилина попал на страницы подготовительных материалов к «Преступлению и наказанию» (это купец Шерстобитов, превратившийся в окончательном тексте романа в Шелопаева; 7, 45). И вообще Достоевскому в работе над его петербургскими романами были весьма полезны рассказы Крестовского и Путилина. К тому же Путилин представлял собою реальную «натуру» для создания образов частных и состоящих на государственной службе сыщиков, следователей и прочих судебно-полицейских чиновников Достоевского: Маслобоева, Заметова, Порфирия Петровича.⁴⁴

Но кроме положительных сторон, внесенных Крестовским в кружок, он, по складу своего характера в молодые годы, во многом способствовал укоренению среди его членов того, что Н. Н. Страхов называл «всякого рода физическими излишествами и отступлениями от нормального порядка» и «эмансипацией плоти»⁴⁵ и что пагубно

⁴³ См.: Крестовский В. В. Собр. соч. Пб., 1899. Т. 1. С. V.

⁴⁴ Думается, что именно благодаря этому знакомству Достоевский приобрел известность среди юристов и криминалистов. А. Ф. Кони в заметке «Еще о Достоевском» писал: «Душевые переживания Раскольникова в связи с глубоко обдуманными приемами судебного следователя Порфирия Петровича изображены Достоевским с такой поучительной реальностью, что Бернар де Глайо в своей книге „Les passion criminelles“ («Преступные страсти» (франц.). — Ред.) и известный французский криминалист-практик Атalen постоянно ссылаются на них, а последний даже заключает свои лекции словами: „Surtout, messieurs — lisez Dostoiewsky!“ («В особенности, господа, читайте Достоевского!» — франц.)» (Кони А. Ф. Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1968. Т. 6. С. 452—453).

⁴⁵ Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 173. Больше всего свидетельств об этой стороне быта кружковцев в неизданной переписке Страхова с П. Н. Страховым, как отмечалось выше, бывавшем в кружке. Так, в письме от 2 декабря 1863 г. Страхов писал ему: «У Аверкиева сифилис. Теперь лечится (...) Григорьева я не видал уже месяца два; пьянствовал, наконец отоспался и, говорят, ведет себя приличнейшим образом (...) Долгомостьев остыенился после похорон Помяловского, на которых напился и наделал скандалу. Теперь

отразилось на общем состоянии кружка. Ведь именно Крестовский привил Ч. Валиханову пристрастие к богеме, и тот стал постоянным спутником поэта в странствиях по трущобам и притонам разного рода.⁴⁶ Предавались злому пороку кроме А. Григорьева и Аверкиев, и Мей, и Долгомостьев и К. И. Бабиков.⁴⁷

А после запрещения «Времени» в 1863 г. наступила самая тяжелая полоса для многих членов кружка: большинство из них лишились жизненного заработка.⁴⁸ Правда, кружковцы еще не теряли надежды и продолжали держаться друг за друга. Так, известный музыкальный критик писал: «Товарищ мой <...> познакомил меня с Серовым, жившим тогда на углу Демидова переулка и Мойки <...> По вторникам, вечером, у него собирались знакомые, из своих товарищей я застал Рихарда Мецдорфа, остальные гости были все больше литераторы, преимущественно редакция только что запрещенного „Времени“».⁴⁹ Быстрее всех стал отходить от кружка Н. Н. Страхов. Он писал брату: «С Достоевским я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив, хотя не замечает этого; а Михайло просто кулак, который хорошо понимает, в чем дело, и рад выезжать на других».⁵⁰

С возобновлением журнала кружок продолжал изредка собираться, но обстоятельства 1864 г.—смерть М. Д. Достоевской, затем смерть М. М. Достоевского, а за ним и А. А. Григорьева, трудности с изданием «Эпохи», материальное положение Ф. М. Достоевского в 1864—1865 гг.—все это вытеснило из кружка прежний энтузиазм. Да и из сотрудников прежних оставались только Аверкиев, Долгомостьев и Страхов. Последний писал об этом времени: «Редакционные собрания ее («Эпохи». — Т. О.) не походили на собрания „Времени“: они были малолюдны и неоживленны».⁵¹ Правда, Достоевский делал попытки внести прежний элемент в свой кружок: так, 4 или 5 января он дал вечер кружковцам. А. М. Достоевский

читает и готовит статьи <...> Ф. Достоевский очень жалуется». В письме от 22 февраля—1 марта 1864 г. те же жалобы: «Григорьев пьет без перерыва. Долгомостьев ему вторит. Аверкиев держится твердо...». Эти же слова он повторяет в письме от 25 июня 1864 г. (см.: Центральная научная библиотека АН УССР, 111, 19091; 19093; Лит. наследство. 1973. Т. 86. С. 394).

⁴⁶ Подробнее см.: Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. Л., 1947. С. 128—129.

⁴⁷ Достоевский не раз получал письма, подобные карандашной записке от Бабикова, относящейся к 1863—1864 гг.: «Федор Михайлович! Я проигрался в трактире, куда попал по своей подлой натуре и куда, спасибо им, отыскивая меня, пришли Аверкиев и Тень Гостомысла. Мне нужно 25 р. серебром». Но на пять еще могу рассчитывать на кредит. Выручите! К. Бабиков» (ГБЛ, ф. 93, II.1.63).

⁴⁸ Достоевский был в это время секретарем Литературного фонда и не раз ходатайствовал о вспомоществовании сотрудникам «Времени» — Загуляеву, Моллеру, Родевичу, см.: Орнатская Т. И. Деятельность Достоевского в «Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (1859—1866) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1986. Т. 7. С. 238—260.

⁴⁹ А. Г. Рубинштейн в воспоминаниях Г. А. Лароша // Рус. старина. 1889. № 11. С. 595.

⁵⁰ Лит. наследство. Т. 86. С. 396.

⁵¹ Страхов Н. Н. Воспоминания. С. 276.

вспоминал: «...на вечер этот были приглашены и мы (т. е. родственники. — Т. О.); тут я встретился и познакомился, между прочим, со Страховым, Полонским <...> На вечере было человек до 20, и вечер прошел очень оживленно. Ужин был великолепный». ⁵²

Одно из последних свидетельств о кружке «Эпохи» принадлежит упоминавшемуся выше Н. Ф. Бунакову: «Ближе других я сошелся с кружком „Русского слова“ <...> но бывал и в других кружках: у Фед^{ор}а Мих^{айловича} Достоевского, который тогда издавал и редактировал, после смерти брата Мих^{аила} Мих^{айловича} „Эпоху“, заменившую запрещенное „Время“ и вскоре умершую <...> В кружке <...> душой был, конечно, Ф. М. Достоевский, но дела журнала шли плохо. Он умирал, и я помню, как Достоевский упрекал себя, что упустил из „Эпохи“ такое сокровище, как „Петербургские трущобы“ Всеволода Крестовского, которые привлекали массу подписчиков к „Отечественным запискам“ Краевского...». ⁵³ С прекращением журнала естественно закончилось и существование кружка. Единственное упоминание о нем промелькнуло в письме Страхова к Достоевскому, написанном в 1868 г.: здесь вдруг проявился былой энтузиазм Страхова-кружковца, отсюда, по-видимому, и причина некоторых явно пристрастных оценок деятельности старых товарищей: «Для меня необыкновенно дорога честь и значение нашего литературного кружка. Я до сих пор полагаю, что это главная струя нашей литературы. Посмотрите. О Тургеневе лучшие вещи писаны у нас, и он у нас печатался. Островский теперь сбрендил, но связан с Ап. Григорьевым неразрывно и в лучшей поре своей деятельности <...> Это наши связи, наше положение. Затем — наши предания — Ап. Григорьев, восстановление памяти которого последует неминуемо, если в России суждено умнеть, а не глупеть. Кроме того — то направление, которое Вами было дано „Времени“ и „Эпохе“; <...> Затем наличные силы: Вы идете блестательно, Аверкиев развивается, я еще не пропал. Признаюсь, я не без радости видел даже успех беспутного В. Крестовского или истинно даровитого Стебницкого. Часто в эти два года мне приходилось с радостью замечать: всё наши! всё наши на первом плане! Даже Н. И. Соловьев совершил блестательную карьеру с вашего благословения». ⁵⁴ Достоевский откликнулся на эти слова несколькими строчками, в которых содержалось явное удовлетворение от страховской оценки деятельности кружковцев: «Итак, наше направление и наша общая работа — не умерли. „Время“ и „Эпоха“ все-таки принесли плоды — и новое дело нашлось вынужденным начать с того, на чем мы остановились. Это слишком отрадно» (28₂, 335).

И еще один характерный, как мне кажется, штрих. Если опыт от знакомства с кружками прежних лет отразился в «Петербургской летописи» и «Униженных и оскорбленных», то и опыт собственного кружка (возможно, вкупе с другими кружками 60-х гг.) художе-

⁵² Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930. С. 308.

⁵³ Записки Н. Ф. Бунакова. С. 58—60.

⁵⁴ Шестидесятые годы. М.; Л., 1940. С. 259.

ственno преломился в одном из позднейших произведений писателя. Речь идет о сатирическом изображении в романе «Бесы» «вечеров», открытых в Петербурге Варварой Петровной Ставрогиной: «Она позвала литераторов, и к ней их тотчас же привели во множестве. Потом уже приходили и сами, без приглашения; один приводил другого <...> Они были тщеславны до невозможности, совершенно открыто, как бы тем исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не все) являлись даже пьяные, но как бы сознавая в этом особенную, вчера только открытую красоту. Все они чем-то гордились до странности. На всех лицах было написано, что они сейчас только открыли какой-то чрезвычайно важный секрет. Они бравились, вменяя себе это в честь <...> Тут были критики и романисты, драматурги, сатирики, обличители <...> Явились и две-три прежние литературные знаменитости, случившиеся тогда в Петербурге <...> иные из них лнули ко всему этому сброду и позорно у него заискивали <...> Когда Варвара Петровна объявила свою мысль об издании журнала, то к ней хлынуло еще больше народа, но тотчас же посыпались в глаза объявления, что она капиталистка и эксплуатирует труд»⁵⁵ (10, 21—22).

⁵⁵ Упоминаемые здесь во множественном числе «прежние литературные знаменитости» — это, конечно же, один И. С. Тургенев, отношение Достоевского к которому с 1861—1864 гг. до 1868 г. и до времени создания романа «Бесы» из дружеского стало откровенно неприязненным.